

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЫПУСКЪ ХІ.

АКМОЛИНСКІЙ
ГУБЕРНСКАЯ

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

89/09/И.Л
П-48

Г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1895.

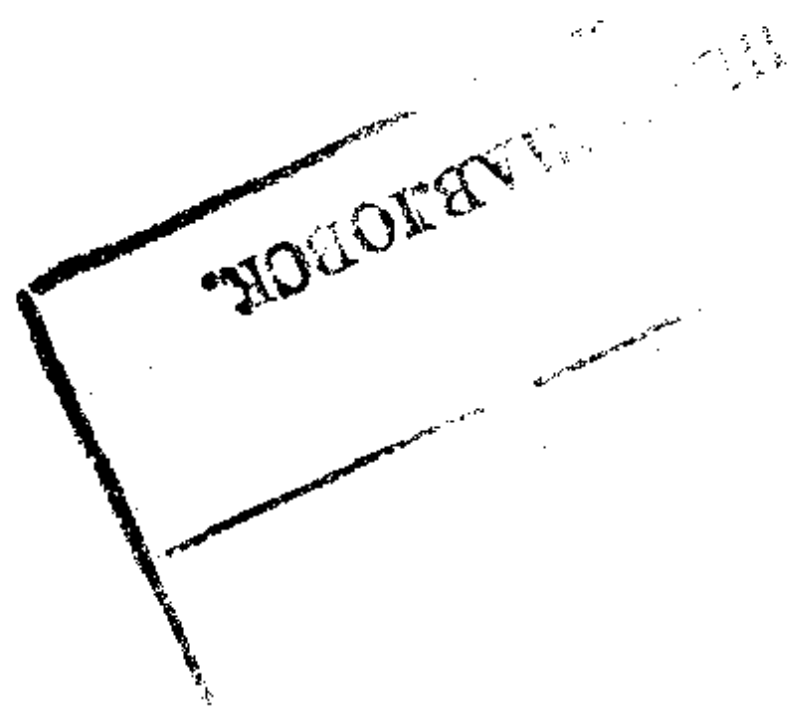

БИБЛИОТЕКА
К. ТАД

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ХІ в. Исторической Хрестоматіи имѣетъ своею задачею — выяснить характеръ русскаго просвѣщенія въ XVIII ст. Соотвѣтственно такой задачѣ составитель далъ, съ одной стороны, рядъ статей, рисующихъ намъ, главнымъ образомъ, внутреннюю сторону учебныхъ заведеній, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; съ другой стороны — помѣстилъ рядъ статей объ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ, употреблявшихся въ школахъ, и такихъ общеобразовательныхъ книгахъ, которыя имѣли въ глазахъ читающей публики характеръ учебниковъ. Для полноты картины, рисующей намъ просвѣщеніе въ XVIII в., помѣщены нѣсколько статей объ Академіи Наукъ и Россійской Академіи.

В. Покровскій.

Русская образованность при Петрѣ Великомъ.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтія два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя: это — заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія — одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни Петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ, — эпохѣ не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформациі, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого-нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто

только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда — разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщеніи другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространившагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ орудіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападокъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературѣ, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ — полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только по своимъ знаніямъ и способностямъ выходили изъ ряда обыкновенныхъ тружениковъ, растрачивали свои дарованія на полемику или на такіа произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ пріемовъ школьной польской учености сдѣлало то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону: именно, съ помощью ея въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьмы ошибокъ, не повредивъ самаго простого смысла текста, а въ заключеніе не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ...

Наконецъ, отъ грековъ, пріѣзжавшихъ въ Россію за подаваніями, на Востокѣ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границею, и вотъ по этому случаю въ 1686 году іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ къ царю: „нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитають неподобная мудрованія въ монастырехъ... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ фи-

лософію и суетную прелесть... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣють нравы, ихъ же не подобаетъ учиться тамошнимъ православнымъ...”

Впрочемъ, и безъ этого посланія малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные расчеты; ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ способствовали умноженію недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, Впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдуя которому можно было оставаться православнымъ и въ то же время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагосклонно смотрѣли на иноземцевъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: „православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ; христіане постятся, еретики же никогда: ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево... Паки воспоминаю, еже бы иновѣрцомъ еретиковъ костеловъ римскихъ, кировъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строить нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводите, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространится и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ кленуть и лають, и вѣру укоряють, и иконы святые попирають...”

Послѣ такихъ мнѣній объ европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказатель-

ствомъ служить размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знаніе, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: „братіе, не высокоумствуйте“, учили въ тѣ времена, „но во смирѣніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: эллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читалъ, ни съ мудрыми философы не бывалъ — учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣха“.

Въ этихъ словахъ, — столь, повидимому, смиренныхъ, — презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочувствовавшаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси) и подтверждавшаго, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцевъ въ тогдашней Россіи: „Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящемся быти учителями, паче же предестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышалъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголють бо они, прельщающіи юношъ тщаливыхъ къ науцѣ хотящихъ навykати писанія, понеже въ оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущіеся о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь впалъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгають и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются — сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицають!“

Въ 1690 г., большая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подверглась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кіевской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты, и предъ смертною казнью ему напомнили, что онъ прельщался „кіевскими новотворными книгами“... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не на долго продолжалась реакція: какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего между иными средствами избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кіевскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образо-

ванія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кіевской академіи, было болѣе подготовки къ воспринятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть на первый разъ только тѣ изъ русскихъ, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей Петра, его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кіевскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Теофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, но тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ людяхъ, и кіевляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, большая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы — все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ и носили на себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ начались при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; по краткости времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка лица, успѣвшія побывать за границей и узнать наскоро кое-что, употреблялись по большей части для переводовъ разныхъ сочи-

неній, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки, — лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры); но не въ силахъ воля, даже и не знающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе сложилось изъ двухъ стихій — кievской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собою право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

Пекарскій.

Обзоръ предположеній относительно распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Въ 1724 году, по порученію Петра Великаго, Татищевъ отправлялся въ Швецію, и лейбъ-медикъ Блюментростъ, встрѣтившись съ нимъ тогда, просилъ его узнавать, не будетъ ли въ Швеціи ученыхъ, которыхъ можно было бы пригласить оттуда во вновь открывавшуюся въ Петербургѣ Академію наукъ: „Напрасно ищите сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда земли, на которую сѣять, не приготовлено“. Императоръ, замѣтивъ этихъ лицъ и узнавъ, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь, отвѣтилъ Татищеву такимъ апологомъ: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольно, немедленно зачалъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привести не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“.

Въ апологѣ Петра Великаго слышится мысль, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя высказалъ Шиллеръ: „просвѣщеніе есть медленно развивающееся растеніе — чтобы созрѣть ему необходимы благодатное небо, много ухода и длинный рядъ веснъ“. Что касается до иносказательнаго возраженія Татищева — этого безспорно передового человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходилось бывать правителемъ, т.-е. тогда, когда онъ нисколько не отличался отъ воеводы временъ всеобщей неурядицы и грубаго произвола — то справедливость его возраженія получаетъ особенное значеніе, когда вспомнить, въ какомъ положеніи находились въ тѣ времена науки въ европейскихъ государствахъ, и что засталъ Петръ Великій въ Россіи относительно просвѣщенія и знаній.

Въ исторіи почти всѣхъ наукъ на Западѣ вторая половина XVII вѣка не даромъ считается блестящею эпохою. Тогда философія окончательно одержала верхъ надъ схоластикою, изслѣдованія сущности природы — надъ авторитетомъ и преданіями. Въ концѣ этого столѣтія является новое философское ученіе Лейбница, которое, въ продолженіе почти ста лѣтъ, было исходною точкою для германскихъ мыслителей и служило посредствующимъ звеномъ между ученіями Спинозы и Канта. Наука исторіи все еще слѣдовала старой рутинѣ и попрежнему оставалась лишь сборникомъ официальныхъ бумагъ, дипломовъ и т. п., но и при такомъ направленіи Пуффендорфъ, въ своихъ историческихъ трудахъ, уже сталъ обращать вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на причины возвышенія и упадка ихъ и т. п., чѣмъ самымъ намѣтилъ для исторіи путь, болѣе вѣрный и соотвѣтственный важности задачи ея. Юридическія науки, съ появленіемъ сочиненій Пуффендорфа „*De jure naturae et gentium*“ и „*De officio hominis et civis*“, стали также покидать схоластику и старинную рутину. Сейчасъ названный писатель яснѣе Гуго Гроція признавалъ идею науки, которая, независимо отъ вліянія положительнаго права или теологіи, должна опредѣлять юридическія отношенія на основаніи законовъ разума. Томазій стремится мирить науку съ жизнію и первый осмѣлился доказывать нелѣпость судебныхъ и религіозныхъ преслѣдованій противъ волшебниковъ и чародѣевъ. Въ медицинскихъ наукахъ великое открытіе Гарви законовъ кровообращенія было поводомъ къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ ихъ. Но надъ всѣми науками въ описы-

ваемое время бесспорно первенствовала математика. Въ области ея, послѣ Коперника и Кеплера, не прерывался рядъ великихъ открытій, которыя въ исходѣ XVII столѣтія заканчиваются почти одновременнымъ изобрѣтеніемъ Ньютономъ и Лейбницемъ дифференціального исчисленія и объясненіемъ первымъ изъ нихъ законовъ движенія небесныхъ тѣлъ, опредѣленіемъ орбиты планетъ, раскрытіемъ причинъ большаго или меньшаго удаленія ихъ отъ солнца и т. п. Въ Россіи со второй половины XVII вѣка тоже замѣчается небывалое до того времени стремленіе къ просвѣщенію и наукамъ, но онѣ стали распространяться исключительно почти подъ вліяніемъ Кіева, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе сосѣдственнымъ польскимъ школамъ, бывшимъ въ полномъ распоряженіи іезуитовъ. Ученіе Аристотеля, или, лучше сказать, искаженное въ средніе вѣка изложеніе мыслей этого мудреца особенно процвѣтало здѣсь. Философіи суждено было исключительно служить требованіямъ теологіи, а послѣдняя имѣла дѣло только съ истинами, не требовавшими научныхъ доказательствъ или же неудобными къ тому. Чрезъ кіевскихъ уроженцевъ такое направленіе перешло въ концѣ XVII столѣтія въ Москву, и ему, вѣроятно, предстояла бы особенная удача, если бы не явился во главѣ правленія такой государь, какъ Петръ Великій. Впрочемъ, было бы ошибочно думать, что онъ совершенно уничтожилъ вліяніе іезуитскихъ школъ въ русскомъ просвѣщеніи, такъ какъ это вліяніе было еще замѣтно во все продолженіе его царствованія и гораздо послѣ него.

Слѣды преобладанія религіозныхъ воззрѣній на науки можно встрѣтить въ такихъ русскихъ книгахъ начала XVIII столѣтія, въ которыхъ всего менѣе можно бы было ожидать этого. Такъ въ Треязычномъ лексиконѣ 1702 года составитель его считалъ необходимымъ предупредить читателя, что изученіе языковъ (лексиконъ былъ словено-латино-греческій) не значило выдумывать новую вѣру, и что, напротивъ, это одобряетъ самъ Спаситель; для большаго же подтвержденія упомянуты притомъ и семьдесятъ толковниковъ. У тогдашнихъ книжниковъ считалось грѣховнымъ читать иностранныхъ писателей на томъ-де основаніи, что они были неправославные. Въ правилахъ юношеству, напечатанныхъ въ Москвѣ при заповѣдяхъ Божіихъ и церковныхъ, 1702 года, и въ Букварѣ, 1704 года, именно преподавалось: „не чести книгъ еретическихъ, ниже

слушати вредословнаго ученія тѣхъ неискусныхъ о божественномъ и святомъ Писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія, но ниже съ таковыми разглагольствовати, ниже сообщатися“... Послѣ этого не удивительно, что старинный русскій человѣкъ смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ и даже враждебно на истины, добытыя наукою. Аврамовъ, современникъ Петровскихъ преобразованій и человѣкъ для своего времени далеко не невѣжественный, прямо называлъ великія открытія Коперника кознями врага рода человѣческаго и сатанинскимъ коварствомъ. При Петрѣ Великомъ переведено и даже издано въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, но принесли ли они ожидаемую пользу, это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ для усвоенія ихъ надобно было владѣть основательными свѣдѣніями въ математикѣ, а между тѣмъ въ тогдашней Россіи не существовало еще ни одного, сколько-нибудь сноснаго, учебника этой науки. Въ печатномъ кіевскомъ календарѣ на 1714 годъ толковалось весьма обстоятельно, что имѣющія быть въ томъ году затменія грозятъ людямъ бѣдами, но что, впрочемъ, русскимъ ихъ бояться нечего, на томъ лишь основаніи, что затменія тѣ не будутъ видимы въ Россіи. Не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, именно въ 1717 году, у насъ вдругъ является переводъ сочиненія въ свое время славнаго астронома Гюйгенса, подъ заглавіемъ: „Книга мірозрѣнія“, гдѣ принимаются всѣ выводы, которые такъ высоко поставили астрономію въ началѣ XVIII столѣтія. Появленіе у насъ въ печати токого сочиненія можно, пожалуй, считать за доказательство быстрого распространенія въ Россіи научныхъ свѣдѣній, но это будетъ несправедливо, потому что лѣтъ сорокъ спустя у насъ подверглось цензурнымъ урѣзкамъ одно стихотворческое переводное произведеніе по тому соображенію, что въ немъ признавалась за истинную система Коперника.

Наивный лѣтописатель дѣтства Петра Великаго утверждалъ, что онъ еще въ малыхъ лѣтахъ, „вся въ совершенство изучи... книжное же ученіе толико имѣя въ твердости, что вся Евангелія и Апостолъ наизустъ или памятію остро прочиталъ...“ А между тѣмъ самъ государь впослѣдствіи сознавался, что только въ четырнадцать лѣтъ отъ роду онъ въ первый разъ услышалъ объ астролябіи, и что никто изъ окружавшихъ его тогда не могъ разъяснить ему этого инструмента до тѣхъ

портъ, пока не выискался одинъ голландецъ, знавшій настолько математику, что былъ въ состояніи преподавать Петру геометрію и фортификацію. Какъ и отъ кого этотъ государь узналъ о другихъ наукахъ, неизвѣстно. Есть много данныхъ предполагать, что въ томъ случаѣ ему не мало помогали иноземцы, жившіе издавна въ Россіи и съ которыми онъ особенно любилъ проводить время въ своей юности. Нѣкоторые изъ нихъ, како-то Вейде, Брюсъ, Виніусъ, были знакомы не понаслышкѣ съ европейскими науками. Послѣдній даже занимался переводами на русскій языкъ и владѣлъ замѣчательною библіотекою. Только въ перепискѣ съ этимъ Виніусомъ Петръ примѣшивалъ иногда сравненія изъ міѳологіи, упоминалъ о Вулканѣ, Марсѣ и т. п.

По возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ въ первый разъ высказалъ о необходимости распространенія въ Россіи знаній въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ (въ 1698 или 1698 г.).

Въ 1703 году плѣнный шведскій пасторъ Глюкъ, съ разрѣшенія царя, завелъ въ Москвѣ школу въ домѣ Нарышкина на Покровкѣ и надѣялся преподавать въ ней не только картезіанскую философію, но и языки, кромѣ европейскихъ, еврейскій, сирскій и халдейскій (самъ Глюкъ былъ оріенталистъ).

Въ 1720 году баронъ Магнусъ-Вильгельмъ Ниродъ подалъ Петру прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что онъ по духовному завѣщанію, составленному 28 мая 1717 года, имѣнія свои: Альпъ, Седелькауленъ и Куфлеръ, отказалъ на содержаніе устроеннаго имъ училища, и что въ это заведеніе выпишаны наставники изъ Германіи, имѣется докторъ и болѣе двадцати „шляхетныхъ и нешляхетныхъ учениковъ“. „Въ школѣ, писалъ Ниродъ, обучены будутъ дѣти нѣмецкому, латинскому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, философіи, ариѳметикѣ, землемѣренію (геометріи) и фортификаціи, архитектурству и живописному. Они жъ обучены будутъ политикѣ, морали (граждано-нравіямъ) и въ политическихъ дѣлахъ; та-кожъ и танцовать, на шпагахъ битца и на лошадяхъ ѣздить...“ Ниродъ предлагалъ царю свое училище для образованія и русскихъ: „понеже государство вашего царскаго величества и младенчество многочисленно, то обѣщаюсь всепокорнѣйше такое число школъ пристроить, чтобъ по вся годы двѣсти или триста дѣтей для обученія вышеписаннымъ же договоромъ

(Ниродъ полагалъ взимать въ годъ за cadaго ученика на полномъ содержаніи по 100 рублей) могли приняты быть; но понеже для произведенія такого великаго строенія довольнаго числа людей не имѣю, того ради прошу низайше, да соблаговолитъ ваше царское величество отъ обрѣтающихся полоненниковъ такое число, сколько понадобится къ экономіи и для всякой потребности при школѣ, такожъ и мастеровыхъ людей для строенія школъ всемилостивѣйше повелѣтъ мнѣ опредѣлить, егда они къ тому добровольно похотятъ и присягу вѣрности прежде учинятъ...“ Надобно замѣтить, что училище барона Нирода еще прежде обратило на себя вниманіе архіепископа Теофана Прокоповича, и онъ писалъ о немъ къ Марковичу 10 мая 1720 года: „... чрезъ Ливонію, на пути въ Дерптъ, я посѣтилъ село Альпъ, чтобы взглянуть на семинарію, которую тамъ содержитъ баронъ Ниродъ, владѣлецъ этого и другихъ селъ: самъ онъ служитъ здѣсь въ Петербургѣ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи, управляемой княземъ Голицынымъ. Въ школѣ его четыре учителя и до ста воспитанниковъ, большею частію ливонцы, но есть нѣсколько и русскихъ. Я увеличилъ число ихъ, пославъ туда трехъ молодыхъ людей (которые прибыли вмѣстѣ съ родителями изъ Кіева) для изученія греческаго, еврейскаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи...“

При помянутомъ прошеніи барона Нирода приложенъ проектъ указа отъ имени царя, въ силу котораго имѣнія, завѣщанныя на пользу училища, освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, а окончившимъ тамъ курсъ ученикамъ обѣщалось всякое покровительство и поощреніе. Въ указѣ, обращенномъ къ ревельскому губернатору и прочимъ властямъ, сказано, что имѣнія тѣ предназначены „къ вспоможенію славы Божіей и на созиданіе и присное содержаніе для обученія сиротъ одного дому, въ которомъ шляхетскія и нешляхетныя сироты и убогія дѣти въ страсѣ Божіи и въ христіанскихъ добродѣтеляхъ обучены и воспитаны быть имѣютъ“. Неизвѣстно, состоялся ли на дѣлѣ этотъ указъ, а также, какая судьба постигла учебное заведеніе барона Нирода, о которомъ есть свѣдѣніе, что оно было учреждено по образцу сиротскихъ домовъ въ Галле, стало-быть въ немъ была введена метода извѣстнаго въ свое время піетиста Августа Германа Франка. Изъ ниродовскаго училища извѣстенъ только одинъ ученикъ

Шилингъ, который потомъ учился при Академіи наукъ и былъ впоследствии русскимъ придворнымъ врачомъ.

Таковы были предположенія о мѣрахъ къ распространенію и водворенію просвѣщенія въ Россіи, которыя представлялись Петру Великому и которыя дошли до нашего времени. При разсмотрѣніи теперь этихъ предположеній не трудно замѣтить, что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ. Такимъ образомъ просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощію его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Нельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, несомнѣнно заключало въ себѣ что-то случайное и непрочное, и это необходимо долженствовало неблагоприятно вліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ какъ при такомъ направленіи капризный произволь, а также поверхностность, отсюда легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукѣ, наконецъ равнодушіе къ ея успѣхамъ, если только не имѣла она тотчасъ же понятнаго для многихъ примѣненія на дѣлѣ, — все это могло быть явленіями, прямо вытекавшими изъ такого взгляда на просвѣщеніе.

Пекарскій.

Взглядъ на профессиональное образованіе въ Петровскую эпоху.

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что „евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе Божеское человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобное“; намъ нѣтъ надобности подозревать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго общества было столь же необходимо, какъ другія профессиональныя формы для другихъ классовъ. Это именно